

Мне стало жаль Ларочку, и я обняла ее.

— Вы, верно, думаете, что я выжила из ума? — спросила она у меня.

— Нет, я так не думаю, — негромко ответила я. — Я знаю, что вещи умеют говорить, и знаю, что делают они это только с теми, кто готов их услышать.

Дед негромко деликатно кашлянул, провел ладонью по седым усам и, положив свои большие сильные руки нам на плечи, произнес:

— Девочки мои дорогие! К счастью, вы нашли друг друга! И хотя вы, мадам, громко играете на пианино, — сказал он, улыбнувшись Ларочке, — а вы, мадемуазель, слишком много откровенничаете с деревьями, — добавил он, ласково глядя на меня, — я вас в обиду никому не дам! Слово офицера!

Эта осень была щедра на подарки, и главным из них стало Время. Оно не просто остановилось. Оно растаяло, растеклось и исчезло. Каждый из нас жил в своем собственном рукотворном рае и был по-своему бесконечно счастлив и безмятежен.

Дед, давно приведший свой дом и участок в идеальный порядок, расширил поле деятельности за счет Ларочкиной усадьбы и наконец-то нашел применение своим непривыкшим к безделью все умеющим рукам. Стук молотка или звук пилы то и дело раздавался с разных сторон, и осознание того, что дед всегда где-то рядом, вселяло, как в детстве, чувство защищенности и покоя.

Ларочка вначале нехотя, а затем все с большим и большим интересом принялась осваивать подарок дочери. Новомодный красавец и щеголь оказался не менее интересным собеседником, чем состарившийся и отправленный на покой представитель семейства

«Красный Октябрь». Немощный старик с благородными беккеровскими корнями покорно отошел в сторону и замолчал навсегда. Вниманием же нотных тетрадей, вычурного партера и разномастной галерки теперь всецело завладел новый кумир, который, к слову сказать, вел себя весьма достойно.

Ларочка, задав мне несколько простых с ее точки зрения вопросов, вынесла свой вердикт.

— Детка! Вы большая умница, но абсолютно несведущи в мире классической музыки! Я займусь вашим образованием! — торжественно провозгласила пианистка.

С горящими глазами и неугасаемым энтузиазмом она немедленно принялась за дело.

Музыка теперь звучала всегда и везде. Перетекая из Ларочкиного дома в наш, она разливалась по саду, оживляя и раскрашивая невиданными красками те идеи, которые рождались во мне. Наконец-то я смогла перенести на полотно все ожившие и пробившие себе дорогу в мир образы, которые долгие годы крошечными семенами дремали в моей душе.

Это были уже не те детские рисунки, которые дед заботливо хранил в кованом сундуке, потому как и я не была уже прежней девочкой. И хотя мои старенькие сарафаны и платица были все еще впору, в зеркальном отражении я видела совершенно незнакомую мне молодую женщину, в глазах которой появился какой-то особенный, таинственный свет.

— Вы удивительно похорошели в последнее время, но почему-то совершенно ничего не едите, — сказала мне Ларочка, разливая по чашкам свой изумительный чай.

— Не хочется, — ответила я.

— Вы очень много работаете. Я вижу огонек на вашем чердаке и поздно вечером, и рано утром. На все

это нужны силы, — заботливо произнесла Ларочка, — а вы худенькая, словно молодой побег на деревце.

— Ничего, — бодро сказал дед, — соорудим наваристый борщ с армейской тушенкой и откормим этого городского заморыша.

— Так странно, — сказала я, глядя сквозь чайную чашку на солнце. — Чашка такая тоненькая, прозрачная, даже чайники на просвет видно.

— Это настоящий фарфор, деточка, — сказала мне Лара. — Он и раньше-то был редкостью, а теперь уж и давно. Этот сервиз был подарен нам с мужем на свадьбу. Я всегда и везде вожу его с собой, и, к удивлению, он цел... за исключением одной чашки. Она неожиданно, как-то сама собой треснула, а на следующий день после этого я получила телеграмму о смерти мужа, — произнесла Ларочка и задумалась. — Вы знаете, столько лет уже прошло, а я до сих пор храню и треснувшую чашку... и телеграмму...

В кармане деда резко и неожиданно зазвонил телефон. Его хлесткий звук, словно отрезвляющая пощечина, вернул всех нас в реальный мир.

— Слушаю вас, — сказал дед, отвечая на звонок. — Да, она здесь, а вы, простите, кто? А... — Дед протянул трубку мне и добавил: — Дашка, кажется, это по твою душу.

Спутать этот голос с каким-то другим было невозможно. Нинке-балаболке, как все ее называли, собеседник был не особенно нужен. Она здоровалась и сама приветствовала себя в ответ, сама спрашивала и сама же себе отвечала, сама спорила и сама во всех спорах одерживала победу. Нинкину болтливость и мое параллельное молчание многие ошибочно принимали за дружбу. Меня же зачастую просто устраивало, что не нужно ломать голову, придумывая ответы на ее очередную глупость. Когда же общий звуковой фон превышал допустимые пределы, то я обычно сбегала. Вот и сейчас мое исчезновение не стало для нее неожиданным. Неожиданным было лишь то, что я уехала к деду.

— Могу вас огорчить, — сказала я, возвращая деду телефон. — К нам едут гости.

— Гости! — радостно воскликнула Ларочка. — Это же замечательно!

— Я так не думаю, — невесело усмехнулась я в ответ, представляя, как Нинкина бесконечная трепотня заполнит все вокруг.

— Хоть незваные гости не всегда в радость, но кормить их придется, — сказал дед, поднимаясь из-за стола. — Дашка, пошли варить борщ.

— Что?! — возмущенно воскликнула Ларочка. — Борис Александрович, Господь с вами! Посмотрите на Дашеньку! И вы хотите, чтобы эта лесная фея предлагала гостям борщ?!

— Да, вы правы! Цветочная пыльца в данном случае будет более уместна, — улыбнулся в ответ дед.

— Мне совершенно не до шуток! — озабоченно произнесла пианистка. — Дашенька, сколько у нас есть времени?

— Часа два, думаю, — ответила я.

— Вот и замечательно! Этого абсолютно достаточно, чтобы приготовить беже и шарлотку к чаю. Дашенька, скорее надевайте передник — и за дело!

— Ну что ж, двух часов и мне хватит, — сказал дед. — Удачное наступление обеспечивается надежным тылом. Думаю, что борщ нам тоже не помешает, — добавил он, отправляясь к себе на кухню.

Нинкину машину мы услышали еще до ее появления. Вскоре городская гостья притормозила возле дома деда. Подпрыгивая задними колесами в такт бухающим в салоне магнитофонным колонкам, она пару минут потарахтела двигателем, а затем, вероятно, заметив меня в соседнем дворе, подкатила к Ларочкиной калитке. Нинка, не дожидаясь приглашения, толкнула калитку ногой и бесцеремонно вторглась в Ларочкины владения.

— Вижу, вижу, что все мне рады! — безапелляционно заявила она. — Я и сама рада, что наконец-то добралась. Как тебя угораздило забраться в такую глушь? — спросила она у меня и тут же сама себе ответила: — Ну да, да, разумеется, 130 километров от Москвы — это не глушь и тебе здесь все очень нравится!

Нинка напрямик направилась в дом. Проходя мимо Ларочки и не сбавляя шага, очень громко произнесла:

— Здорово, бабуля! Как живется-можется?

Ларочка, опешив от такого натиска, не нашла что ответить, а Нинка, продолжая активное наступление, уже норовила вторгнуться в дом.

— Обувьними, не в трамвае, — стыдливо оглядываясь на хозяйку, сказала я.

Нинка, осматриваясь вокруг, пропустила мои слова мимо ушей.

— Говорили, что у твоего деда хибара-развалюха, а тут, оказывается, все не так уж и плохо. Хотя... лично меня колхозная романтика никогда не привлекала.

— Да не ори ты так, — попробовала я осадить Нинку, — перед Ларочкой неудобно.

— Перед этой? — усмехнулась Нинка. — Да ей, наверное, сто лет в обед и она глухая, как пень. Кстати, что это за бабуленция? Ты же вроде как к деду свалила?

— Это соседка наша, Лариса Григорьевна, — ответила я. — Мы с тобой сейчас в ее доме, и слух у нее стопроцентный, она пианистка.

— Да ну! — Нинка округлила глаза. — Дед твой время зря не теряет! Любовь-морковь с пианисткой, у которой при этом вполне приличный домишко! Супер! А че, кого-нибудь помоложе в округе не на-

шлось? Или недвижимость уж очень пришлась по душе? — Нинка с понимающе-заговорщицким видом подмигнула мне.

— Ты вообще чего приехала? — теряя терпение, спросила я.

— Ну как чего? За тобой, разумеется! — сказала Нинка, вертя в руках то одну, то другую Ларочкину вещицу. — Ты ж как Золушка смылась с бала и даже туфельку не оставила для ориентира.

— Вам там и без меня не скучно было, — раздраженно ответила я, едва успевая вслед за непрошеной гостьей расставлять все по местам.

— Да уж! Погудели на славу! Только на третий день заметили, что виновницы торжества на месте нет.

— Вот и гудите дальше. Я-то вам зачем?

— Так меценат наш протрезвел и требует предъ-явить ему автора. Без тебя ему документы на покупку картин не оформляют. Блин, и на фига столько книг, да еще и бумажных? Кто их сейчас читает? И этот гроб на колесиках полкомнаты занимает, — сказала Нинка, пнув носком сапога старое пианино. — А это что? — спросила она и, как всегда не дожидаясь ответа, сдернула кусок ткани со стоящего в углу мольберта.

Я, не успев отреагировать на очередную ее выходку, услышала за своей спиной Ларису Григорьевну.

— Это новая работа Дашеньки, — сказала она ровным голосом, в котором зазвучали ледяные нотки, очень похожие на те, что я слышала ранее в голосе ее дочери.

Хозяйка дома уже совершенно овладела собой и спокойно, но решительно взяла из рук Нинки ткань и вновь накрыла ею картину.

— Дорогая, — обратилась она к беспардонной гостье, — работа еще не окончена. Дашенька покажет нам ее, когда сочтет нужным.

Нинка, не ожидавшая отпора от столь слабого на вид противника, как-то растерялась и потянула из кармана сигареты и зажигалку.

— Простите, но у меня в доме не курят, — сказала Лариса Григорьевна. — Мы можем садиться пить чай, — добавила она, обращаясь ко мне. — Я схожу за Борисом Александровичем.

Я была готова провалиться сквозь землю от стыда и потому поскорее вытолкала Нинку вместе с ее хамством и сигаретами на веранду.

— Дашенька, — сказала мне Лариса Григорьевна, — наденьте тапочки, уже падают листья.

Послушно обуваясь, я смотрела вслед уходящей пианистке и понимала, что она, так же как и я, слышит наполненный издевкой Нинкин смех.

— Листья падают в тапочки?! Ой, не могу! Дурдом на выезде! — Нинка захлебывалась истерическими взвизгиваниями. — Я смотрю, ты обалдела тут совсем на свежем воздухе — платица, фаргучки, рюшечки!

Тебя надо спасать, подруга! А то еще немного — и начнешь чистить фамильное серебро и крахмалить салфетки! Лучше сидела бы у себя в мастерской и шлепала один за другим свои шедевры. Пока народ тобой интересуется, можно столько бабла снять! Эх, я бы на твоём месте так развернулась!

— Так место свободно, — усмехнувшись, ответила я, — давай шлепай один за другим.

— Да, где уж нам уж... выйти замуж... — сказала она нараспев, надменно приподнимая брови. — Кстати, не хочешь узнать, как там твой ненаглядный? Может, его кто-нибудь уже утешает в твоё отсутствие! — добавила она, явно понимая, что делает мне больно.

Ядовитая змея, в последние годы поселившаяся внутри меня и уже почти уснувшая во мне за городом, открыла свои холодные, немигающие глаза и тихо, угрожающе прошипела:

— Поезжай-ка ты обратно. А то, знаешь, свежий воздух — штука не только заразная, но и неизлечимая к тому же. А свободное место в нашем дурдоме для тебя вряд ли найдется.

Нинка швырнула так и неприкуренную сигарету в кусты и направилась к машине.

— Куда же вы, дорогая? А как же чай? — спросила ее Лариса Григорьевна.

— Я пью только кофе, — ответила Нинка, садясь в автомобиль, — с хорошим коньяком, — добавила она, хлопнув дверцей.

Из окна автомобиля вылетел пластиковый стаканчик с остывшим кофе и упал мне под ноги. Запертые под капотом железные кони вздыбились, из-под колес фонтаном брызнула истерзанная трава, а ритмичное буханье магнитофонных колонок оповестило оглохший лес об отъезде неприятной гостьи.

Снег пошел поздним вечером. Крошечные снежинки осторожно садились на пожухшую листву и уже не таяли. Все кругом затихло, глядя, как лес примеряет первый зимний наряд.

Притихли и все мы. Из Ларочкиного дома больше не лилась музыка. Мне не хотелось возвращаться к своей неоконченной работе. Ворчун, совершенно не заботясь о том, увидит ли его кто-нибудь, кроме меня, или нет, уселся рядом со мной и задремал, издавая звуки, похожие на мурчание кота.

Дед долго молча слонялся по дому, а затем растопил печь и, подсев ко мне, виновато произнес:

— Дашка! Ну прости меня! В погреб полез за соленьями и не услышал, как прискакала эта вертихвостка. Если б знал, что все так обернется, — на дух бы ее не подпустил! Чего она сказала-то такого? А? — Дед обнял меня за плечи и попытался растормошить.

— Да ничего нового она не сказала... все как всегда. Если б ты знал, дед, сколько вокруг меня совершенно

ненужных мне людей. И я ерундой какой-то занимаюсь, а все радуются этому и требуют от меня еще и еще... Родители, и те словно чужие. Мне среди всего этого выть хочется, а они не видят и не чувствуют ничего. Гордые такие ходят — дочкины картины нарасхват! А чем там гордиться-то? Пустышки все это. Не могу я так больше, потому и удрала к тебе, — ответила я. — Дед, а можно, я насовсем у тебя останусь? А? Мы закроемся, никого не пустим к нам, и будет хорошо! Как раньше...

— Как раньше уже не будет никогда, — с тихой грустью произнес дед, укрывая пледом уснувшего Ворчуна.

— Ты что, тоже его видишь? — удивленно прошептала я.

Дед в ответ лишь хитро, с прищуром улыбнулся, и в этот момент внутри меня кто-то тихонечко шевельнулся. Я замерла, а затем положила ладонь на живот и почувствовала новый толчок.

— Что, хулиганить начинает мальчонка? — спросил меня приоткрывший глаза Ворчун.

— Пацанка будет, — возразил ему дед.

— Дай послушать, — попросил Ворчун и приложил ухо к моему животу. — Не, мальчишка, — настаивал он на своем.

— А, какая разница, — миролюбиво махнул рукой дед. — Пацан — так пацан!

Я, неожиданно для себя самой, вскочила на ноги и побежала к двери.

— Ты куда? — хором спросили меня дед и Ворчун.

— Мне к Ларочке нужно, — ответила я, наспех обуваясь. — Срочно!

— Так ночь уже!

— Ничего, она не обидится, она поймет, — не оборачиваясь, ответила я.

— Хоть куртку накинь, — вслед крикнул мне дед.

Ларочка ничуть не удивилась моему позднему визиту и без лишних вопросов впустила в дом. Я напрямик направилась к мольберту и стянула со своей неоконченной работы скрывающий ее от преждевременных взоров кусок ткани.

Как я и думала, картина ожила, и сильный ветер уже начал наводить порядок в лесу. Он сорвал пораженные паршой листья, обломал высохшие ветви, повалил на землю прогнившие и изъеденные паразитами деревья. Он выкорчевал покрытые мхом и погаными грибами старые трухлявые пни и все это немедленно и безжалостно вымел прочь, освобождая место для молодой поросли, которая уже пробивалась к свету. Тоненькие, слабенькие на вид росточки с каждой минутой все больше и больше наполнялись жизненной силой, крепили и росли прямо на глазах. Ослабленный, поредевший, сгорбившийся лес вновь расправил плечи и поднял голову к солнцу.

Морозное утро уже сменило темную беззвездную ночь, когда последний мазок акварели лег на холст. Я открыла настежь окно и подставила свое лицо первым утренним лучам. Тоска, заполнившая было все потайные уголки моей души, теперь сжалась в маленькую черную точку и уже собралась исходить себе другой приют. Но мне почему-то захотелось удержать ее еще ненадолго, сделать последний прощальный глоток, еще раз почувствовать ее горечь и лишь затем отпустить.

— Потрясающая работа! Замечательная! — восхищенно произнесла Ларочка, слегка коснувшись моего плеча. — Это самый необычный автопортрет, который мне довелось когда-либо видеть!

— Автопортрет? — изумленно переспросила я.

— Разумеется, — подтвердила Ларочка. — Я, конечно, не разбираюсь в живописи профессионально, но по моим ощущениям это именно автопортрет. Вы, как настоящий мастер, так точно передали свои переживания и чувства, что, глядя на эту работу, я могу совершенно определенно утверждать, что здесь изображены именно вы и никто другой. И какая идея оригинальная — лес, очищающий сам себя, освобождающий место для новой жизни! Дашенька, разрешите мне задать вам один очень деликатный вопрос? Думаю, что для этого теперь самое время.

— Да, конечно, — ответила я.

— Вы ждете ребенка?

Вопрос был ожидаемым и неожиданным. Я прикрыла живот руками и спросила Ларочку:

— Что, уже очень заметно?

— Не в этом дело, — улыбнулась она в ответ. — О том, что вы, вероятно, беременны, я подумала еще в первый день нашего знакомства. Да-да! Ну, чему вы удивляетесь? Я ведь тоже женщина и не всегда была так стара, как сейчас. Хотя и было это давно, но я еще помню свое ощущение материнства. Дашенька, давайте закроем окно, — предложила Ларочка. — Вам сейчас нужно особенно беречься.

— Давайте, — согласилась я, чувствуя, что действительно продрогла.

И вот уже шумит чайник. Я усажена в кресло и заботливо укутана пледом. Неспешные движения Ларочки, накрывающей на стол, совершенно умиротворяют меня. Я чувствую себя уставшей, но усталость это приятная, удовлетворяющая.

— Вы уже сообщили своему мужчине эту важную новость? — спросила меня Ларочка.

— Нет, — ответила я, опустив глаза. — Я просто уехала к деду.

— А родителям?

— Тоже нет. Спросите почему?

— Разумеется, спрошу, — ответила Ларочка, разливая чай.

— Ну, вы же сами говорили, что в городе все друг к другу глухи. Самих себя и то не слышат порой.

— Это я сгоряча так сказала, — произнесла Ларочка, задумчиво вертя в руке маленькую серебряную ложку. — Мы всегда виним других в том, в чем в первую очередь виноваты сами. Я вела себя просто бестактно по отношению к своей дочери и понимаю это только сейчас. Леночка превосходная пианистка, и у нее было большое будущее, но артрит очень рано изуродовал все пальчики на ее руках. Играть она давно не может. Я же была готова сидеть за инструментом день и ночь. Просто жуткая эгоистка! Требуя аплодисментов и похвал, я не понимала, что причиняю этим боль своей девочке. Да и вы, вероятно, поспешили с отъездом. Ведь так?

— Может быть, — неуверенно пожала я плечами в ответ. — Не знаю почему, но у меня все отношения с мужчинами какие-то одноразовые получаются.

— Это как, позвольте узнать?

— Ну, не понравилось что-то — до свидания! Обиделась — пошел вон! Ошибся человек — ерунда, найдется другой, который не ошибается. Перешагнула и пошла дальше, не оглядываясь. Это как пластиковый стаканчик с остывшим кофе — выкинул и купил другой. А теперь так почему-то не выходит... Вы знаете, я не только не стала его слушать... я даже сказать ему ничего не позволила, — произнесла я, разглядывая нежный рисунок на фарфоровой чашке. Чай в ней уже остыл, но мне все равно хотелось допить его до последнего глотка.

— Так не поздно все исправить, — сказала мне Ларочка.

— Вы думаете?

— Разумеется, — подтвердила Лара, — пока человек жив, все можно исправить, — почему-то грустно добавила она. — Вы видели деревянную табличку, которую ваш дедушка прикрепил к моим воротам?

Я вспомнила забавные завитушки и сердечки, выжженные на дереве вокруг имени Ларочки, и, улыбнувшись, кивнула головой.

— Очень давно ее сделал для меня один милый мальчик, с которым я как-то глупо поссорилась. Война рано отняла у него жизнь, так что помириться нам так и не удалось... — Ларочка поднялась из-за стола и, кутаясь в шаль, подошла к окну. — Поглядите, Дашенька! А ведь Борис Александрович не спит — свет всю ночь горит в окошке, но он деликатничает и не тревожит нас.

— Дед у меня золото, — с гордостью ответила я. — Уж он-то у меня самый настоящий!

Ларочка исчезла из нашей жизни так же неожиданно, как и появилась. Утоптанная тропинка, покрытая осевшим мартовским снегом, предательски выскользнула из-под Ларочкиных ног, а сложный перелом бедра уложил ее на больничную кровать.

Чуть позже к дому Ларочки подъехал небольшой грузовичок, в который рабочие лихо загрузили электрическое пианино. Все же остальные вещи Ларочки были быстро и беспорядочно рассованы по ярко-синим пластиковым мешкам и скинуты в мусоровоз. Последний мешок, оказавшись в куче мусора, всхлипнул звуками разбившегося фарфора. Мы с дедом переглянулись и охнули:

— Сервиз!

Дед стянул с мусоровоза последний мешок, но в нем среди осколков целой оказалась лишь чернобровая тряпичная кукла, которая в этот раз не смогла подлом защитить своих фарфоровых друзей.

— Вот так и мою жизнь когда-нибудь запихнут мешок и выкинут на помойку, — грустно сказал дед.

— Нет, не выкинут, — сказала я, нежно обнимая самого близкого мне человека. Я посмотрела в совсем поблекшие и от того еще более дорогие глаза деда и добавила: — Не выкинут. Я не позволю.

Больше в доме по соседству никто не жил. Старый плющ постепенно оплел весь забор и калитку, но мы знаем, что под его листьями по-прежнему висит табличка, на которой среди сердечек и вензелей чьей-то любящей рукой выжжено: «Здесь живет Ларочка».

25.08.2019

Франкфурт-на-Майне